

Д.В. Кирюхин

Кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия»

**Рец. на [Юдин К.А.
Внутрипартийный контроль в
СССР 1930 – начала 1940-х гг.:
идейно-институциональный облик.
Иваново, 2015. 295 с.]**

В последние годы отечественная наука и культура переживает новую волну интереса к советскому прошлому, при этом не только к периодам брежневского «застоя» и хрущевской «оттепели», но и к предвоенной эпохе. Прошедшие годы перестройки уже не кажутся неизвестным и полным надежд будущим, явную противоположность которому представляла собой советская эпоха. Научными трудами и произведениями о многомиллионных кровавых расправах, поголовной судимости едва ли не всех граждан СССР, которые были популярны двадцать пять лет назад, сейчас уже никого не удивишь. Нельзя назвать эти, несомненно, нелегкие годы и абсолютизированным золотым веком. Прошедший отрезок времени после распада Советского Союза дает нам новые возможности, чтобы переосмыслить и оценить прошлое нашей страны более объективно и здраво, избегая категоричных суждений и откровенной политической окраски.

Именно этой как никогда актуальной цели служит монография К.А. Юдина. Кроме того, изучение истории политического контроля в институциональном ракурсе, связанного с реконструкцией деятельности специфических ведомств – Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) и ее региональных структур – является одним из наиболее перспективных и актуальных направлений в отечественной историографии сталинизма, в которой в настоящее время ключевые позиции занимает информационный подход к изучению данного периода, опирающийся на длительный опыт

исследования механизмов политической власти, взаимодействия ее институтов и складывающихся вокруг них ведомственных сфер влияния. Особенно востребован данный концептуальный срез в контексте региональной истории, где обозначенная предметная область оказалась вытесненной на периферию вне поля зрения историков. В этом отношении выбор темы данной статьи обусловлен как осведомленностью автора о низкой степени изученности рассматриваемой им проблемы, что свидетельствует об уровне его профессиональной подготовки, так и собственно интеллектуальными интересами, лежащими в сфере истории государственных учреждений СССР, а также мировых идеологий и политических учений.

В основу данной монографии легло диссертационное исследование автора, опираясь на которое К.А. Юдин расширил рамки своей работы, добавив отдельные философско-политологические аспекты, а именно главу «Некоторые теоретические проблемы политического контроля в СССР», которая выходит за заявленные хронологические и географические границы, поэтому ее присутствие в диссертации было бы весьма спорным, в отличие от монографии, где это оправдано установленной специфической жанра, позволяющим расширить проблемно-тематический формат, продемонстрировать масштабность идейно-концептуального видения, осуществить историко-философскую экспертизу ушедших форм бытия: «Обращение к истокам, к сущности, происхождению, генезису того или иного явления, – пишет К.А. Юдин, – слу-

жит не формальной «данью» канонам научной методологии структуры исследования, а играет роль того ведущего концептуально-теоретического стержня, содержащего идейные оценки. Без него история не может выполнять своего высокого предназначения – быть мудрым наставником человечества, проводником истины, аккумулятором опыта бытия, позволяющим указывать на должностное, на подлинный миропорядок вопреки бурной реке эмпирического становления, выносящей на свои берега порой далеко не безобидные формы тоталитарных тираний. А их мифотворчество оказывается настолько прочным и ментально-психологически укорененным, что общественное сознание отказывается принимать их преступный характер, ссылаясь на «героические», масштабные, уверенные свершения «сильной руки», даже если они достигнуты ценой бесчисленных человеческих жертв» [1, с. 7.]

Автором отмечается, что «тематический спектр, поднимаемый в этом труде, не является принципиально новым и опирается, главным образом, в теоретической части, на солидные достижения многочисленных предшественников». Среди тщательно описанной историографии поднимаемой К.А. Юдиным проблематики стоит обратить внимание на ее детальный и подробный разбор, в особенности работ зарубежных авторов, проявляющих в настоящее время не меньший интерес к истории советского наследия. Безусловно, даже при достаточно высокой степени изученности темы, всегда остаются вопросы, которым было уделено недостаточное внимание, в первую очередь, благодатной почвой являются региональные и местные архивы и данные, к которым в частности и обращается в своей монографии К.А. Юдин. Среди использованных автором источников следует упомянуть архивные материалы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Ивановской области (ГАИО), Центра документации новейшей истории Государственного архива Ярославской области (ЦДНИ ГАЯО), Государственного архива новейшей истории Костромской области (ГАНИКО), Государственного архива Владимирской

области (ГАВО), Национального архива Республики Беларусь (НАРБ), Российского государственного архива кинофотодокументов (РГАКФД), периодические издания: газет «Правда», «Известия», «Рабочий край», «Северный рабочий», «Северная правда», «Призыв», журналов «Большевик», «Власть Советов», «За темпы, качество, проверку», «Историк марксист», «Партийное строительство», «Пропагандист и агитатор РККА», «Пропагандист», «Советское строительство», разнообразные документальные публикации, публицистические произведения и источники личного происхождения разных лет.

Обратимся к содержанию монографии К.А. Юдина. Представленная работа состоит из предисловия от автора, пяти глав, заключения, приложений с комментариями и списка источников и литературы. Первая глава, состоящая из трех параграфов, полностью посвящена теоретическим вопросам политического контроля в СССР, которые включают в себя историографию, источники и область задач исследования, историко-философские основания коммунистической государственности, сущность, методы политического контроля и его роль в тоталитарном государстве. Вторая глава охватывает временные рамки конца 1920-х – середины 1930-х гг. в двух параграфах и раскрывает вопросы институционального обособления партийного контроля как элемента утверждения сталинской диктатуры и особенности формирования аппарата КПК и его структур. Третья и четвертая главы основаны на региональных материалах территории областей Верхней Волги, состоящие из двух параграфов главы разделены временными промежутками с 1934 по 1936 гг. и с 1936 по 1938 гг. Внутрипартийный контроль в предвоенные годы, – конец 1938 – июнь 1941 гг., – анализируется автором в последней, пятой главе. В приложениях размещены фотоматериалы: фотографии представителей высшего эшелона власти и архивные документы, которые снабжены комментариями. Завершает монографию подробный и детализированный список используемых источников и литературы, последняя включает в себя монографические исследования, статьи, учебную и научно-

справочную литературу, диссертации и авторефераты.

Обратимся к достоинствам и недостаткам представленной монографии. К преимуществам труда, несомненно, можно отнести, во-первых, обширную источниковую базу, сформированной в ходе более чем трехлетней работы автора в центральных и региональных архивах. Особый интерес, на наш взгляд, представляют материалы именно последних. В своей работе, в частности в третьей главе, К.А. Юдин приводит достаточно яркие и колоритные примеры из жизни простых людей, раскрывающие их судьбы в контексте взаимоотношений с властными структурами.

Центральными проблемными областями, поднятыми в труде этого академического формата, стали вопросы о принципе функционирования аппарата уполномоченного КПК при ЦК ВКП(б), способах получения, последующей обработки поступавшей в его распоряжение информации, а также возникавших в ходе этого делопроизводственно-информационного обмена материалов контрольно-ревизионных мероприятий. Рассмотрев вопросы организационно-технического плана, обозначив правовой статус КПК, автор переходит к анализу практической, оперативной деятельности сотрудников внутривластного контроля, связанных со сбором компрометирующих материалов на руководителей Ивановской и Ярославской областей.

Много внимания уделяет автор личностному фактору – вкладу ответственных секретарей партколлегий по Ивановской и Ярославской областям А.Ф. Витковского и В.П. Грузеля, отдельных контролеров по синхронизации процессов на территории верхневолжского региона. Он показывает противоречивость и двойственность политики институтов КПК, вынужденных лавировать между репрессивной и прагматичной ответвлениями линии партии. Это наглядным образом позволяет детализировать механизмы принятия решений на «локальном уровне», заметным образом внести коррективы и дополнить представление об изученной в основном по материалам центральных архивов и данным документов высших ор-

ганов партийной и государственной власти модели управления в СССР 1930-х гг.

Необходимым и крайне важным компонентом исследования становится анализ состояния нормативно-правовой базы, индивидуальные принципы отбора информации с учетом адаптации профессиональных навыков сотрудников КПК к региональной социально-экономической специфике. В этом плане автор справедливо первоначально уделяет внимание контролю в сфере сельского хозяйства, а затем переходит к освещению тех вопросов, которые становились актуальными по мере реализации задач в индустриальной сфере, тем самым, показывая сам принцип работы института уполномоченного, основания отбора информации для проведения контрольно-ревизионных мероприятий.

Все это, несомненно, помогает оценить место КПК в системе политического контроля на поприще репрессивно-надзорной деятельности, а также избавиться от ранее господствовавших поверхностных, стереотипных представлений на это ведомство как на второстепенную, бюрократически-вспомогательную инстанцию, что послужило основной причиной забвения этого ведомства в отечественной историографии и завышения роли ее предшественника – объединенного наркомата ЦКК-РКИ.

Так, эффективность системы политического контроля, созданной И.В. Сталиным, автором доказывается и демонстрируется при помощи архивных данных, статистических сведений и таблиц (например, см. [1, с. 132 – 133]), что позволяет представить себе те условия, в которых оказались и жили люди в рассматриваемый период: «...самокритика, идейно-политическая экзальтация настолько захватывала индивида, что малейшая угроза в стабильности этого маленького мирка, сомнение в его праведном служении партийным идолам, олицетворявшим могучий колосс советской государственности, вызывала у него экзистенциальный страх и толкала на отчаянные поступки. Они являли собой последнюю попытку восстановления доброго имени и форму протеста против тяжелых условий материального и духовного существования». Автором через, казалось бы, прозаич-

ческую тематику партийно-следственного производства удастся докопаться до личностей реальных людей, их мироощущения, судеб.

При этом особый интерес вызывает идейно-концептуальная позиция автора, отражающая его приверженность правоконсервативной парадигме, о чем он неоднократно указывал в своих публикациях [3;5].

Так, в соответствии с этими убеждениями, автор полагает, что «всесилие коммунистического режима, рожденного революционными путем, стало закономерным следствием глубокого экзистенциального кризиса европейского мира. Краеугольным камнем этого стал процесс морально-интеллектуального разложения, переворота духовных первооснов и принципов, замененных материалистическим вожделием. Это было вызвано онтологическим размежеванием между научно-техническим и аксиологическим вектором социальной реальности, что привело к формированию, а, вернее, завершению, исторического процесса конструирования человека особого типа, «человека-массы», восприимчивого к любым политическим спекуляциям» [1, с. 56].

Объясняя природу, сущность сталинизма, автор пишет, что «коммунистическую государственность можно рассматривать как особый тип управления обществом прогрессистско-мобилизационного характера, источником которого стал изначально формировавшийся культ вождя, трансформировавшийся в 1930-х годов в авторитарную партократическую диктатуру». [1, с. 80].

Не менее интересны соображения автора, касающиеся историко-философских оснований коммунистической государственности, формирующейся с использованием прогрессистской и историцистической методологии, восходившей к гегелевскому спиритуализму, ставшего родоначальником, вдохновителем дискурсивного догматизма, взятого на вооружение в 1930-е гг., что проявилось в искусной психополитической манипуляции массовым сознанием, управляемым внедряемыми по мере конъюнктурной необходимости идеологемами и мифологемами – мифом о «диктатуре пролетариата», «социалистической демократии», необхо-

димости продолжения «классовой борьбы» для построения «социализма в отдельно взятой стране» и т.д.

Как справедливо считает К.А. Юдин, опираясь на историографический задел, «сталинизм стал наследником дореволюционных контрольно-надзорных практик, скрепленных идейными нитями марксистско-ленинского материалистического детерминизма и порожденной им идеологической догматики, принявшей наиболее изощренные и уродливые формы оправдания произвола с помощью партийной схоластики. Он превратился в отдельный, уникальный, социально-политический феномен, вобравший в себя самые разнородные элементы: «черты раннекапиталистического первоначального накопления, тоталитарность индустриалистского “общества-фабрики” и традиции восточного, “азиатского” деспотизма». [1, с. 85]

Монография написана хорошим литературным языком, классический официально-деловой стиль сочетается со стилистическими конструкциями, отражающими и подчеркивающими авторскую концептуальную и идейно-теоретическую самостоятельность и индивидуальность мышления. Предмет исследования проанализирован достаточно полно и всесторонне.

Отмечая высокий уровень монографического исследования, необходимо высказать ряд замечаний и рекомендаций.

1. При всей добротности историографического обзора, хотелось бы все же отметить, что от внимания автора ускользнули такие работы, которые могли оказаться полезными для данного исследования. Это, например, Российская государственность: опыт 1150-летней истории: Материалы Международной научной конференции (Москва, 4—5 декабря 2012 г.). М., 2013; Тихонов В.В. Историки, идеология, власть в России XX века. Очерки / В.В. Тихонов; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук. – М.: ИРИ РАН, 2014.
2. Несмотря на обширный список литературы, свидетельствующий о масштабе проделанной работы, представляется, что его следовало дополнить научными

трудами самого автора (в списке присутствуют только 2 статьи), тем самым, осветить всю «творческую лабораторию», отражающую этапы интеллектуальной самореализации, особенно, если те или иные труды имеют прямое отношение к рассматриваемой проблематике, дополняя и конкретизируя ее на уже новом материале, не вошедшем в текст монографии. [См., напр.: 2;4]

3. В представленной рукописи можно обнаружить некоторые недочеты, орфографические и пунктуационные ошибки, а также погрешности, связанные с оформлением научно-справочного аппарата, не везде соблюдаются рекомендуемые ГОСТом правила сокращений подстрочных ссылок и указания библиографических координат. Например, нет единообразия в употреблении сокращений, так где-то в тексте слова «год», «годы» употребляются полностью, а где-то в сокращены до формы «г.», «гг.» [1, с. 47, 48, 55 и др.], сказанное не относится к используемым автором цитатам, в которых разное употребление допустимо исходя из разнообразия привлеченных источников. Допущены опечатки: отсутствуют необходимые пробелы или точки [1, с. 2, 238, 241 и др.]. Фотоматериалы, содержащиеся в приложениях, снабжены нумерацией и последующим перечнем в виде нумерованного списка. Возможно, более привычным и целесообразным было бы выбрать вариант с подписями под фотографиями и документами, а если и снабжать фото порядковыми номерами, то только в случае наличия сопроводительной статьи, в которой было бы более подробно освещен вопрос необходимости привлечения именно этих материалов в качестве приложений.

Указанные замечания не носят принципиального характера, исследование К.А. Юдина безусловно вносит свой вклад в изучение истории внутрипартийных процессов в СССР перед началом Великой Отечественной войны, концепция работы дает пищу для размышлений, новый импульс в изучении обозначенной проблематики, особенно при поступательном расширении

сравнительно-исторического ракурса и диапазона исследования, что уже предпринял автор, обратившись к контрольно-надзорным, репрессивным практикам дореволюционной России, специфики социальной инженерии, проводимой нацистской Германией и фашистской Италией. «Не смотря на идейно-теоретическую полярность «правой» и «левой» идеологий, апеллировавших к диаметрально противоположным установкам, варьировавшим от воинствующего эгалитаризма адептов построения «коммунистического общества», в идеале представлявшего собой аморфную структуру – коллективистский уклад – до проектов национального возрождения в Италии и Германии с помощью создания атмосферы воинско-героического напряжения, рецепции «римского стиля», предполагающего консервативный этос, особое измерение бытия, основанное на обращении к культурно-историческим корням, реальное воплощение этих замыслов, – считает К.А. Юдин, – приобрело общий системно-инструментальный облик». И в том же месте: «Социальный конструктивизм во всех странах приобрел вид насильственной идеологической унификации, осуществляемой в целях утверждения господства правящей элиты [1, с. 250]

Наконец, нельзя не оценить по достоинству решительную позицию автора, связанного с преодолением предрассудков и стереотипов по поводу якобы неадекватности применения к советскому прошлому термина «тоталитаризм» / тоталитарная действительность. Как отмечает К.А. Юдин еще во вступительном, историко-источниковедческом разделе монографии, многие историки «заметно продвинулись в деле очищения «тоталитарного подхода» от идеологических и чуждых смысловых примесей. Можно сказать, произошла окончательная концептуальная «реабилитация» этого понятия в виде признания сталинизма формой тоталитаризма как историографического факта в трудах большинства представителей этого направления, избавившихся от основного упрека в адрес «тоталитарной парадигмы», которая якобы рассматривала советское общество аморфной массой, без-

ликим коллективным субъектом, лишенным частной жизни» [1, с. 18].

В целом, монографическое исследование К.А. Юдина следует считать самостоятельным, оригинальным научным трудом, бесспорно, обладающим высокой научной ценностью как в общетеоретическом плане, так и применительно к историографии новейшей отечественной истории и традиций информационно-когнитивной аналитики, с которой в немалой степени солидаризируется автор.

Библиографический список:

1. Юдин К.А. Внутрипартийный контроль в СССР 1930 – начала 1940-х гг.: идейно-институциональный облик. Иваново, 2015. 295 с.
2. Юдин К.А. Матвей Федорович Шкирятов // Вопросы истории. 2015. № 2. С. 36-51.
3. Юдин К.А. Национал-социализм, фашизм во взглядах Юлиуса Эвола и некоторые теоретические проблемы консерватизма // На пути к гражданскому обществу. 2015. № 1. С. 52-62.
4. Юдин К.А. Политический контроль в СССР в период «позднего сталинизма» конца 1940-х – начала 1950-х гг.: общесистемная характеристика // Государство, общество, церковь в истории России XX века: материалы XIV Международной науч. конференции. Иваново 18-19 марта 2015. Иваново, 2015. С. 625-634.
5. Юдин К.А. Человечество в пути: от «цивилизации бытия» к «цивилизации становления» (размышления о природе коммунистической власти и общества) // Вопросы философии. 2013. № 2. С. 42-48.

© *Кирюхин Д.В., 2016*